

МОЛОДЫЕ УЧЁНЫЕ О ПЕРЕВОДЕ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-226-243

О ВЛИЯНИИ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА-УЧЁНОГО НА ПЕРЕВОД КИТАЙСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК — НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА *КНИГИ ПЕРЕМЕН* РОССИЙСКИМ СИНОЛОГОМ Ю.К. ЩУЦКИМ

Люй Пэйин

Юго-восточный университет, Нанкин, Китай

Для контактов: lvpy219@163.com

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние личности переводчика-учёного Ю.К. Щуцкого на перевод *Книги перемен* на русский язык. Образование, профессиональный опыт и культурный багаж Щуцкого сформировали его уникальную личность переводчика-учёного. Эти факторы позволили ему не только точно передать язык оригинала, но и глубоко интерпретировать философские и культурные аспекты текста. Анализ проводится в двух аспектах: подготовительный этап перевода и сам процесс перевода. Личная духовная мотивация, влияние антропософии и стремление к диалогу между китайской и западной культурами стали основой его переводческой деятельности. Применение стратегии глубокого перевода и использование собственных научных исследований повысили академическую ценность перевода. Работа Щуцкого не только открыла русскоязычным читателям доступ к китайской философии *Книги перемен*, но и внесла важный вклад в культурный обмен между Востоком и Западом. В этом процессе особенно ярко проявляется субъектность переводчика: она выражается в том, как Щуцкий интерпретирует исходный текст, делает осознанный выбор языковых средств и переосмысливает культурные смыслы в переводе. Этот пример подчёркивает значимость личности переводчика в процессе перевода и её глубокое влияние на качество переведённого текста.

© Люй Пэйин, 2025

Ключевые слова: переводчик-учёный, Книга перемен, Ю.К. Щуцкий, перевод на русский язык, культурный обмен между Китаем и Россией

Для цитирования: Люй Пэйин. О влиянии личности переводчика-учёного на перевод китайских классических текстов на русский язык — на примере перевода *Книги перемен* российским синологом Ю.К. Щуцким // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 226–243. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-226-243

Статья поступила в редакцию 18.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

ON THE INFLUENCE OF SCHOLAR-TRANSLATOR IDENTITY ON THE RUSSIAN TRANSLATION OF CHINESE CLASSICS — THE CASE OF RUSSIAN SINOLOGIST Y.K. SHCHUTSKY'S TRANSLATION OF *THE BOOK OF CHANGES*

Ly Peiying

Southeast University, Nanjing, China

For contacts: lvpy219@163.com

Abstract. This article examines the influence of Yu.K. Shchutsky's identity as a scholar-translator on his Russian translation of the *Book of Changes*. Shchutsky's education, professional experience, and cultural background shaped his unique identity as a scholar-translator. These factors enabled him not only to accurately render the original language but also to deeply interpret the philosophical and cultural dimensions of the text. The analysis is conducted from two perspectives: the preparatory stage of the translation and the translation process itself. Shchutsky's personal spiritual motivation, the influence of anthroposophy, and his aspiration for dialogue between Chinese and Western cultures formed the foundation of his translation work. His application of a deep translation strategy and integration of his own academic research significantly enhanced the scholarly value of the translation. Shchutsky's work not only provided Russian-speaking readers with access to the Chinese philosophy of the *Book of Changes* but also made a substantial contribution to cultural exchange between East and West. In this process, the translator's subjectivity is particularly evident: it is manifested in the way Shchutsky interprets the source text, makes deliberate linguistic choices, and reconfigures cultural meanings in translation. This case

highlights the importance of a translator's identity in the translation process and its profound impact on the quality of the translated text.

Keywords: Scholar-translator, Book of Changes, Yu.K. Shchutsky, Russian translation, Sino-Russian cultural exchange

For citation: *Ly Peiying*. (2025) On the influence of scholar-translator identity on the Russian translation of Chinese classics — the case of Russian sinologist Y.K. Shchutsky's translation of *The book of changes*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2. P. 226–243. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-226-243

The article was received on November 18, 2024;
approved after reviewing received on June 26, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

1. Введение

В процессе перевода классических произведений на иностранные языки личность и происхождение переводчика оказывают значительное влияние на качество перевода и его эффективность в продвижении, что является одним из ключевых вопросов переводоведения (王倩/Ван Цянь, 2018: 268). *Книга перемен* как жемчужина китайской культуры охватывает философию, гадательные практики, этику и другие аспекты, вызывая огромный интерес и восхищение с древних времён. Однако для западных читателей понимание этого классического труда представляет значительную сложность. Языковые барьеры, культурные различия и многозначность текста делают перевод Книги перемен крайне трудной задачей. Это требует от переводчика не только высокого уровня владения языком, но и глубоких знаний в области культуры и академической подготовки.

Российский синолог Ю.К. Щуцкий был таким переводчиком-учёным, который обладал всеми необходимыми качествами. В 1937 году он завершил перевод и исследование Книги перемен, что сразу же получило широкое признание в российской синологии. Критик Ф.С. Быков (1963) отмечал, что до Щуцкого ни один европейский учёный не решался взяться за столь сложную задачу, назвав этот труд «истинным научным подвигом». Перевод Книги перемен Щуцким был не только языковым преобразованием, но и культурной интерпретацией и воссозданием. Его работа основывалась на тщательном анализе оригинального текста и точном понимании куль-

турного контекста, благодаря чему перевод был не только верен оригиналу, но и обладал высокой научной ценностью.

Фактически перевод и распространение Книги перемен в России начались ещё в XVIII веке и прошли этапную эволюцию от первоначального ознакомления к систематическому научному освоению, а затем — к массовому восприятию. В XVIII веке немецкий историк Готтлиб Зигфрид Байер (Gottlieb Siegfried Bayer) и российский синолог А.Л. Леонтьев представили фрагменты Книги перемен на латинском и русском языках соответственно, тем самым заложив основы её восприятия в российской культурной среде (Bayer, 1730: 94–98). В XX веке перевод Ю.К. Щуцкого открыл новую веху в отечественном изучении китайской классической философии. Впоследствии такие исследователи, как С.Ю. Лукьянов и В.М. Еремеев, осуществили перевод и интерпретацию «крыльев Книги перемен» (十翼) и провели реконструкцию её символической системы, что способствовало развитию междисциплинарного подхода к исследованию текста (Лукьянов, 1993; Еремеев, 2005). В XXI веке распространение Книги перемен в России происходит централизованно и массово: наряду с академическими трудами появляется всё больше популярных и цифровых интерпретаций. Актуальные формы рецепции и переосмысления Книги перемен в русскоязычном контексте свидетельствуют о тесном взаимодействии между субъектностью переводчика и особенностями созданного им перевода.

В этом процессе ключевую роль сыграла личность Щуцкого как учёного-переводчика. Тем не менее, современное исследование перевода Книги перемен с точки зрения личности переводчика остаётся недостаточно разработанным. Предыдущие исследования в основном фокусировались на историческом аспекте переводческой деятельности Щуцкого, не уделяя должного внимания взаимосвязи между его личностью и процессом перевода. Настоящее исследование сосредоточено на русском переводе *Книга перемен*, выполненном Щуцким, и направлено на изучение влияния его личности как учёного-переводчика на процесс перевода.

2. Субъективность переводчика в процессе перевода

Ранние исследования перевода подчёркивали языковое соответствие и точность в процессе перевода, роль переводчика обычно рассматривалась как нейтральная и объективная роль передатчика. Однако в последние годы теории перевода постепенно осознали, что переводчик — это не просто инструмент передачи информа-

ции, но и активный участник культуры, истории, идеологии и социальной власти. В этом контексте субъективность переводчика становится важной темой для исследования. Мнение, опыт, культурный фон, социальная роль и личная идентичность переводчика оказывают глубокое влияние на выбор текста, его трансформацию и способы выражения в процессе перевода.

«Субъективность переводчика» определяется как проявление его осознанной активности в процессе перевода, направленной на достижение цели перевода при уважении к оригинальному тексту как объекту (查明建, 田雨/Чжа Минцзянь, Тянь Юй, 2003: 22). Переводчик осуществляет отбор и реконструкцию исходного материала сквозь призму собственной культурной системы и когнитивного мышления. Как отмечают Тиллоева и Трекина, «субъективность переводчика позволяет ему вмешиваться в языковое оформление и эстетическое истолкование подлинника и создавать свое произведение на родном языке» (Тиллоева, Трекина, 2023: 241). При этом данная «творческая переработка» не является произвольной интерпретацией, оторванной от оригинала, а представляет собой процесс вторичного производства смысла, основанный на глубоком понимании исходного текста, академическом бэкграунде переводчика, его культурной позиции и историко-временном контексте.

Особенно ярко субъектность переводчика проявляется при работе с классическими философскими текстами, где переводчик выступает не только в роли языкового посредника, но и как интерпретатор и реконструктор культурных смыслов. Так, Хунъянь (2016), анализируя пять русскоязычных переводов «Лунь юй», показывает, что переводчик демонстрирует выраженную субъектность, проходя в процессе перевода через четыре стадии «герменевтического движения»: доверие, сомнение, интериоризация и реституция, что отражается в выборе стратегии интерпретации, языковых решений и способов выражения. Данная субъектность не менее актуальна и в художественном переводе. В исследовании Го Яньчжань (2022), посвящённом двум русским переводам романа Агаты Кристи «Смерть в облаках», подчёркивается, что переводчики в работе с художественным текстом постоянно балансируют между переводом и интерпретацией, стремясь сохранить как информационную структуру оригинала, так и его эстетическую выразительность. Аналогичные выводы делают Гаученова и Хагай (2022), отмечая, что при переводе одного и того же произведения переводчик опирается не только на лингвистическую компетенцию, но и на способность

распознавать скрытые культурные и прагматические смыслы, что позволяет адекватно реконструировать глубинную информацию оригинала и поддерживать равновесие между точностью передачи и выразительностью перевода.

Таким образом, вне зависимости от жанра — философского или художественного — субъектность переводчика оказывается глубоко вовлечённой в процесс осмысления и выражения исходного текста. Именно она становится определяющим фактором, влияющим на стилистическую, терминологическую и структурную организацию перевода, а также на способы трансляции культурных метафор. Личностная позиция, культурный опыт и историческая включённость переводчика формируют уникальные параметры перевода, в котором сочетаются смысл оригинала и творческая индивидуальность посредника.

Таким образом, можно заключить, что независимо от того, является ли текст философским или литературным, субъектность переводчика всегда глубоко вовлечена в процесс понимания и выражения текста. Субъективность переводчика становится ключевым фактором, влияющим на стиль перевода и академическую направленность, проявляясь в таких аспектах, как выбор языка, обработка терминов и структура текста, что делает перевод отличным от других текстов. В этом процессе идентичность переводчика, его знания и опыт, а также исторический контекст, в котором он работает, существенно влияют на переводческую практику, обеспечивая сохранение мыслительной деятельности оригинала и одновременно демонстрируя уникальные творческие способности переводчика в культурной трансмиссии.

Классические философские тексты Китая, такие как *Книга перемен*, характеризуются высокой абстрактностью мысли и глубокой культурной значимостью, что предъявляет высокие требования к академической подготовке переводчика, его культурным суждениям и языковым навыкам. В этом контексте перевод Книги перемен российским китаеведом Ю.К. Щуцким представляет собой безусловно новаторский и знаковый случай. Однако существующие исследования в основном сосредоточены на текстуальных результатах и исторической ценности перевода, при этом недостаточно систематически исследуется, как идентичность переводчика проявляется в процессе перевода и как она влияет на стиль перевода и создание культурного значения.

В связи с этим в данной статье исследуется русский перевод Книги перемен Ю.К. Щуцкого, с акцентом на его идентичность

как «переводчик-учёный». Цель работы — исследовать, как через субъективность переводчик вмешивается в процесс понимания, интерпретации и реконструкции текста, что помогает восполнить пробел в исследовании «переводчик — перевод» в контексте перевода китайских классических текстов на русский язык.

3. Переводчик как учёный — Ю.К. Щуцкий

3.1. Личность переводчика

«Личность переводчика» является важной темой в области переводоведения, затрагивающей многогранные роли переводчика в процессе перевода и их глубокое влияние на переводимые тексты. Переводчик не только преобразует язык, но и выступает посредником между культурами, а разнообразие и сложность его личности имеют важное значение для практики перевода.

Формирование личности переводчика тесно связано с его личным бэкграундом. Образование определяет языковые способности и академический уровень переводчика, что влияет на его понимание и интерпретацию оригинального текста; профессиональный опыт обогащает его профессиональными знаниями и отраслевыми навыками; культурный опыт отражает его восприятие различных культур. Например, западный синолог Дороти Боринтон посвятила свою карьеру изучению китайской литературы. После получения степени доктора философии по китайской литературе она занялась преподаванием и издала несколько авторитетных работ, демонстрирующих тесную связь её синологического бэкграунда с переводческой практикой (李翼/Ли И, 2022: 87–88).

В условиях глобализации личность переводчика становится более сложной и многогранной. Глобализация ускоряет культурный обмен, делая роль переводчика как мостика между культурами всё более значимой. Основная личность переводчика заключается в преобразовании языков, а его социальная личность заключается в участии в межкультурной коммуникации (靳铭吉, 许雁/Цзинь Минцзи, Сюй Янь, 2023: 130). Социальная роль переводчика выходит за рамки простого языкового преобразования, включая активное участие в различных культурных и социальных взаимодействиях. В научных кругах переводчиков часто описывают как «учёных», «читателей» и «творцов», подчёркивая их культурно-социальную роль.

Таким образом, разнообразие и сложность личности переводчика оказывают глубокое влияние на переводческую практику. От языкового преобразования до культурного посредничества пере-

водчик играет важную роль в межкультурном обмене, обогащая содержание переводоведения.

3.2. Формирование личности переводчика-учёного

Переводчик-учёный — это специалист, для которого перевод не является основной профессией, а лишь частью исследовательской деятельности (许敏慧/Сюй Миньхуэй, 2014: 69). Ю.К. Щуцкий стал ярким примером переводчика-учёного, что подтверждается его образовательным фоном, профессиональной карьерой и культурными знаниями.

В 1922 году он окончил китайское отделение Ленинградского университета под руководством В.М. Алексеева. Став доцентом, Щуцкий преподавал историю китайской философии и язык, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, посвящённые одной из важнейших его работ — Книге перемен. Он также перевёл такие классические тексты, как Лаоцзы, Чжуанцзы и Ле-цзы, сопровождая переводы глубоким анализом. В своих трудах он подчёркивал необходимость сохранения языковой точности и интерпретативного подхода, что позволяло ему раскрывать философские и культурные аспекты оригиналов.

Щуцкий внёс значительный вклад в изучение китайской философии и культуры, популяризируя её среди русскоязычной аудитории. Его переводы Книги перемен и других текстов не только обогатили академические исследования, но и способствовали межкультурному диалогу, подтверждая важность личности переводчика-учёного в переводческой деятельности.

4. Влияние личности переводчика-учёного на перевод Книги перемен на русский язык

4.1. Перед переводом — основания для перевода и интерпретации Книги перемен

Выбор Ю.К. Щуцким Книги перемен для перевода был неразрывно связан с его духовными стремлениями, антропософией и пониманием, а также ожиданиями культурного обмена между Востоком и Западом. Во-первых, личные духовные стремления оказали значительное влияние на решение Щуцкого заняться переводом Книги перемен. Во время обучения в университете он находился под глубоким влиянием учения Рудольфа Штайнера, что способствовало формированию у него духовного мировоззрения, основанного на христианских принципах, и стремлению к высшему пониманию духовного мира. Именно это постоянное стремление

к духовному поиску предопределило его склонность к выбору текстов, способных дать читателю глубокие философские размышления и духовное озарение. Книга перемен — классическое произведение, наполненное философскими размышлениями и духовной мудростью, что идеально соответствовало духовным потребностям переводчика.

Во-вторых, его понимание и ожидание культурного обмена между Востоком и Западом также сыграло важную роль в выборе Книги перемен. Щуцкий стремился через перевод этого древнего текста донести мудрость Востока до западных читателей, способствуя межкультурному диалогу и взаимопониманию. Кроме того, он был убеждён в значимости предсказаний Рудольфа Штайнера о необходимости современного духовного возрождения и надеялся, что перевод Книги перемен внесёт вклад в это возрождение. Эти ожидания и убеждения сделали Книгу перемен для Щуцкого идеальным объектом перевода.

Таким образом, выбор Книги перемен как текста для перевода был в значительной степени обусловлен личными духовными стремлениями Щуцкого, влиянием антропософии и его видением культурного обмена между Востоком и Западом. Именно эти убеждения и жизненный опыт превратили Книгу перемен в произведение, которое переводчик считал максимально значимым и ценным. Щуцкий вложил в этот перевод огромный энтузиазм и усилия, чтобы передать читателям философские идеи и духовную мудрость этой классической книги (Щуцкий, 1993: 72–77).

4.2. Перед переводом — влияние исторического контекста

«Язык исходит из духа и, в свою очередь, воздействует на дух, что отражает взаимное влияние языка и мировоззрения, особенно заметное через способ мышления, его особенности и стиль» (Humboldt, 1999: 165). Исторический контекст, в котором находился переводчик, оказывает сложное и многоуровневое воздействие на переводимый текст, особенно в аспектах способа мышления, характеристик и стиля.

Во-первых, способ мышления является одним из ключевых факторов, влияющих на переводческий процесс. В советский период исследование китайской философии как новой научной дисциплины способствовало тому, что синологи начали активно осваивать западные социальные науки и исследовательские методы. Это межкультурное мышление существенно повлияло на переводческую практику. Например, в переводе Книги перемен Щуцкий не только

использовал достижения советской науки в области социальных исследований, но и гармонично соединил их с традиционными китайскими знаниями о древней истории и фэншуй (Конрад, 1993). Такое сочетание восточного и западного подходов сделало его перевод одновременно научно обоснованным, систематичным и проникнутым глубоким пониманием культурного контекста оригинала.

Во-вторых, характеристики перевода также подверглись влиянию исторического контекста. На этапе нового развития советской синологии учёные начали активно призывать к заимствованию достижений китайских исследователей с целью расширения горизонтов науки. Щуцкий откликнулся на этот призыв, критикуя стереотипные и поверхностные подходы западных исследователей к изучению Книги перемен (Щуцкий 1993:184). В своём переводе он использовал методы анализа с применением чисел и символов для детального объяснения гексаграмм и содержания Книги перемен. Эта характеристика перевода отражает не только уважение к китайской традиции, но и приверженность точности и объективности, характерную для советской научной среды.

Наконец, стиль перевода также отразил влияние эпохи. Щуцкий уделял большое внимание не только точному переводу оригинала, но и собственному осмыслению текста. Его стиль, несомненно, испытал влияние академических традиций и исследовательских методов советской синологии (Щуцкий & Кобзев, 1960). В его переводе сохраняется философская глубина Книги перемен, а детальные примечания и пояснения помогают читателям лучше понять и принять это сложное произведение древнекитайской мысли. Такой подход демонстрирует как уважение к оригиналу, так и заботу о читателе.

Таким образом, исторический контекст, в котором находился переводчик, оказал существенное влияние на способ мышления, характеристики перевода и стиль текста. Советская научная среда и методы исследования помогли Щуцкому создать перевод, который не только точно передаёт содержание оригинала, но и включает глубокое понимание культурного фона и применение научного подхода. Благодаря этому его перевод обладает как академической ценностью, так и доступностью для широкой аудитории.

4.3. Процесс перевода — использование стратегии глубокого перевода

В процессе перевода классических текстов на иностранные языки, чтобы преодолеть барьеры между китайской и иностранной культурами, переводчики обычно используют различные страте-

гии, позволяющие максимально точно передать содержание исходного текста. Эти стратегии включают не только простую замену слов, но также передачу культурного контекста, объяснение традиций и раскрытие скрытых значений. Переводчик должен глубоко понять содержание оригинала и найти в языке перевода наиболее подходящие выражения, чтобы читатель мог не только понять поверхностный смысл текста, но и почувствовать уникальное очарование и глубину идей культуры источника.

Учёные-переводчики в своей практике часто используют стратегию глубокого перевода (или толстого перевода), что подразумевает использование комментариев или примечаний, чтобы поместить перевод в контекст богатого языкового и культурного фона (Arriah, 1993: 817). 周领顺/Чжоу Линшунь (2016) делят глубокий перевод на широкое и узкое понятия, причём в узком смысле — на примере примечаний — они различают примечания информационного характера и исследовательского характера. Информационные примечания предоставляют фоновую информацию, отличаются ясным языком и чётким объяснением контекста. Они направлены на передачу смысла оригинального текста и имеют целью ознакомить читателя с культурным фоном. Примечания исследовательского характера, напротив, демонстрируют знания и достижения переводчика, а также исследуют более глубокие значения текста. Они включают не только текст как таковой, но и анализ его исторического, культурного и философского фона. В данном исследовании рассматриваются оба аспекта примечаний — как информационного, так и исследовательского характера.

(1) Информационные примечания

Информационные примечания направлены на предоставление фоновых знаний и подразделяются на пояснительные, указательные и сопоставительные примечания (周领顺, 强卉/Чжоу Линшунь, Цян Хуэй, 2016: 106). В переводе Щуцкого можно наблюдать широкое использование таких примечаний. Эти примечания, взаимодействуя друг с другом, значительно обогащают культурную глубину и академическую ценность перевода, что особенно проявляется в интерпретации терминов, символов гексаграмм и древних текстов.

Во-первых, на уровне терминологии Щуцкий демонстрирует, как сочетать грамматические категории с философскими идеями Книги перемен. Например, в третьей черте девятки гексаграммы «Цзинь» (井) — «井渫不食, 为我心恻; 可用汲, 王明并受其福» (Колодец очищен, <но из него> не пьют. В этом скорбь моей души:

ведь можно <было бы> черпать <из него>. <Если бы> царь <был> просвещён, <то> все получили <бы> своё благополучие.)— он переводит слово «心» как «душа», а не «сердце», чтобы отличить его по грамматическому роду от слова «колодец» (колодец — мужской род) и избежать путаницы с местоимением «его». Этот выбор не только предотвращает возможную семантическую путаницу в последующем тексте, но и позволяет лучше передать культурную и философскую глубину термина. Щуцкий использует различия грамматических родов, чтобы улучшить перевод и интеграцию текста в языковую и семантическую систему перевода.

Во-вторых, в работе с символами гексаграмм, например, при интерпретации символа «Дачжуан» (大壮), он переводит его как «великая сила» и в примечаниях объясняет причины своего выбора. Щуцкий отмечает, что «Дачжуан» символизирует огромную силу и потенциал, подобно прочным колёсам, способным нести большой груз и двигаться далеко. Таким образом, он не только передаёт интуитивное значение символа, но и углубляет его философскую интерпретацию, связывая с культурным контекстом.

В-третьих, на уровне древних текстов, при интерпретации фразы «潜龙勿用» (Нырнувший дракон. Не действуй), Щуцкий предоставляет глубокий культурный и исторический контекст. Он сравнивает «潜龙» (нырнувший дракон) с Шунем, который копил силы в тайне, демонстрируя культурную и образовательную значимость этой аллюзии. Его примечания не только объясняют прямое значение текста, но и используют сопоставительные и пояснительные комментарии, чтобы раскрыть более широкий культурный и исторический фон, усиливая понимание читателем намерений оригинального текста и его культурной ценности.

В целом стратегия перевода и примечаний Щуцкого отражает его глубокое понимание культуры источника и чувствительность к культуре целевого языка. Благодаря тщательному подбору терминов, глубокому анализу символов гексаграмм и детальным комментариям к древним текстам, Щуцкий успешно передаёт сложные концепции и культурный контекст читателям целевого языка. Этот подход не только повышает читабельность текста перевода, но и гарантирует точную передачу культурного значения и способствует углублённому межкультурному взаимодействию.

(2) Исследовательские примечания

Исследовательские примечания подразумевают, что переводчик не ограничивается простой передачей информации оригина-

нального текста, а углубляется в исследование и детальное объяснение культурного контекста, лежащего за ним, помогая читателям понять сложные или культурно специфические концепции текста (强卉/Цян Хуэй, 2014: 88). В переводе Щуцкого исследовательские примечания широко применяются для интерпретации и анализа ключевых слов с точки зрения их перевода. Например, значение слова «否» в фразе «好遁, 君子吉, 小人否» (Хорошее бегство. Благородному человеку — счастье. Ничтожному человеку — нет) не интерпретируется в соответствии с традиционным термином *Книга перемен* «否» (пи). Вместо этого, основываясь на комментариях времён династии Хань и интерпретациях таких учёных, как Ван Би, Щуцкий переводит его как «плохой» или «негативный», что противопоставляется «吉» (благоприятный) и подчёркивает реальный смысл этого слова в данном контексте. Аналогично, в переводе фразы «利有攸往, 得臣无家» (Благоприятно иметь, куда выступить. Обретёшь <столько> подданных, <что уже> не будет <самостоятельных> домов) Щуцкий указывает, что термин «家» (дом) может быть истолкован как «независимый аристократический род». Он разъясняет, что это слово в культурно-историческом контексте того времени имело более широкое значение, указывая, что семья, находящаяся в подчинении сюзерену, фактически теряет свою независимость. Эти исследовательские примечания не только раскрывают скрытые в тексте исторические и культурные аспекты, но и способствуют более глубокому пониманию оригинального текста читателями.

Эти исследовательские примечания не только раскрывают скрытую в тексте историческую и культурную информацию, но и помогают читателям глубже понять внутренний смысл оригинального текста. Щуцкий таким образом делает значительный вклад в интерпретацию текста, расширяя его культурную и историческую перспективу.

4.4. Процесс перевода — интеграция личных исследований

Щуцкий в своих исследованиях *Книги перемен* предложил систематический анализ её структуры, комментариев, языковых особенностей и культурного влияния. Он отметил, что текст формировался на протяжении разных эпох, представляя собой многоуровневую конструкцию, состоящую из основного текста и «Десяти крыльев» (Щуцкий, 1993: 223). Концепция «временной координации» подчёркивала постепенное развитие текста, отражавшее

аграрное общество и изменения философской мысли, особенно в позднеконфуцианских интерпретациях.

Щуцкий анализировал разницу между космологией и философскими размышлениями в Сицы чжуань и методами интерпретации в Туан чжуань и Сянь чжуань, что демонстрировало эволюцию Книги перемен от простого мышления к сложной логике. Исследуя лексику и синтаксис, он выявил сходства с древними текстами, такими как *Ши цзин*, что показало переход языка от архаичных форм к стандартному китайскому (Там же: 214–215).

Щуцкий также изучал эволюцию комментаторской традиции, отмечая вклад Ван Би в трансформацию текста из гадательного инструмента в философский трактат. В период Мин и Цин буддийские и даосские идеи обогатили интерпретации, а школы Чжу Си и критики предлагали противоположные подходы — сохранение авторитета классики и аналитический взгляд.

Он подчёркивал значение Книги перемен в литературе с эпохи Хань и её популярность в Китае и Японии в 1920–1930-х годах. Щуцкий считал, что перевод текста требует герменевтического подхода, объединяющего точность и интерпретацию. Он выделил два метода перевода — филологический и интерпретационный — и выбрал комментарии Ван Би, Оу И и Ито Тогаю для передачи символического содержания (Там же: 247–249).

Через эти исследования Щуцкий всесторонне раскрыл особенности структуры текста *Книги перемен*, богатство традиций комментариев, языковые особенности и их глубокое влияние на мысль и литературу, подчеркнув центральное место Книги перемен в китайской культуре и его уникальную ценность, выходящую за рамки времени.

5. Заключение

Настоящая статья рассматривает русский перевод Книги перемен, выполненный русским синологом Щуцким, в качестве исследовательского материала. На основе анализа перевода, исторического контекста и переводческих стратегий исследуются влияние его академической личности на процесс перевода, включая этапы подготовки и самого перевода. Исследование показывает, что академическая личность Щуцкого сыграла ключевую роль на всех этапах его переводческой деятельности.

На этапе подготовки к переводу выбор Щуцким Книги перемен был обусловлен его личными духовными устремлениями, влиянием антропософии и стремлением способствовать культурному

диалогу между Востоком и Западом. В процессе перевода Шуцкий активно использовал стратегию глубокого перевода, применяя как пояснительные, так и исследовательские примечания для полного раскрытия культурного контекста и глубинных значений текста Книги перемен. Кроме того, в переводе нашли отражение его собственные научные исследования, что не только демонстрирует его академическую компетенцию, но и повышает научную ценность и системность перевода.

Анализ данного кейса перевода Книги перемен, выполненного Шуцким, демонстрирует ключевую роль академической личности переводчика в процессе перевода. Понимание личности переводчика имеет важное значение для глубокого изучения практики и теории перевода. Переводчик — это не просто посредник между языками, но и культурный медиатор. Многообразие и сложность его личности придают переводческой деятельности богатое содержание и широкий исследовательский потенциал. Это открывает новые перспективы и подходы в области переводческих исследований, подчёркивая важность личности переводчика и её глубокое влияние на качество перевода.

Список литературы

Быков Ф.С. [Рец. на:] Шуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». Народы Азии и Африки, 1963, № 1. С. 214, 216.

Гаученова Е.Н., Хагай М.Ю. Субъективность переводчика: сравнение переводов на примере романа Агаты Кристи «Смерть в облаках». [J]. Молодежный вестник ИрГТУ, 2022. № 2. С. 345–348.

Конрад Н.И. Предисловие к первому изданию «Китайской классической «Книги перемен»» [J]. Ю.К. Шуцкий. Китайская классическая «Книга перемен». М.: 1993.

Тиллоева С.М., Трекина Е.Н. Роль личности переводчика при переводе художественного текста. Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 237–245.

Хунъянь Ч., Яньжань Г. О Субъектности переводчика в свете герменевтики — на основе сопоставления пяти русскоязычных переводов «Лунь Юй». Вопросы гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 66–70.

Шуцкий Ю.К. (1993) Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.И. Кобзева. М., 606 с.

Шуцкий Ю.К., Кобзев А.И. Китайская классическая «Книга перемен» [М]. Изд-во восточной литературы, 1960.

Appiah K. (1993) Thick translation. Callaloo, № 4, pp. 808–819.

Bayer G.S. Museum sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur [M]. 1730.

靳铭吉, 许雁. 论译者的汉学家身份对典籍翻译的影响——以俄罗斯汉学家列·谢·贝列罗莫夫译《论语》为例 [J]. 解放军外国语学院学报, 2023, 46(03): 129-136.

李大用著. 周易新探. 北京: 北京大学出版社, 1992.05.

李翼. 汉学家译者身份对翻译过程的影响——澳大利亚汉学家杜博妮的中国现当代文学翻译研究 [J]. 中国翻译, 2022, 43(05): 87-94.

强卉. 厚翻译到底该有多“厚”——以《论语》两英译本为例 [J]. 江苏外语教学研究, 2014, (03): 86-92.

王倩. 中国文化外译传播中的译者身份建构 [J]. 社会科学战线, 2018, (09): 266-270.

洪堡特·威廉·冯. 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响 [M]. 北京: 商务印书馆, 1999.

徐敏慧. 2014. “厚译”: 理论渊源及实践意义 [J]. 翻译季刊 (73): 58-72.

周领顺, 强卉. “厚译”究竟有多厚?——西方翻译理论批评与反思之一 [J]. 外语与外语教学, 2016(06): 103-112+150.

References

Appiah K. (1993) Thick translation. *Callaloo*, No. 4, pp. 808-819.

Bayer G.S. *Museum sinicum, in quo sinicae linguae et litteraturae ratio explicatur*[M]. 1730.

Bykov F.S. (1963) [Review of:] Shchutsky, Yu.K. *Kitayskaya klassicheskaya “Kniga peremen” = The Chinese Classical Book of Changes*. *Peoples of Asia and Africa*. No. 1, pp. 214, 216 (In Russian).

Gauchenova E.N., Khagai M.Yu. (2022) Translator’s subjectivity: A comparison of translations based on Agatha Christie’s novel *Death in the Clouds*. *Youth Bulletin of IrSTU*, (2), 345-348 (In Russian).

洪堡特·威廉·冯. 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响 [M]. 北京: 商务印书馆, 1999.

Humboldt Wilhelm von. (1999) *On the Difference of Human Language Structure and Its Influence on the Spiritual Development of Mankind*. Beijing: The Commercial Press.

Hunyan C., & Yanzhan G. (2016) On the subjectivity of the translator in the light of hermeneutics: A comparative analysis of five Russian-language translations of Lun Yu. *Questions of the Humanities*, (2), pp. 66-70 (In Russian).

靳铭吉, 许雁.(2023). 论译者的汉学家身份对典籍翻译的影响——以俄罗斯汉学家列·谢·贝列罗莫夫译《论语》为例. 解放军外国语学院学报 (03), 129-136. DOI: CNKI:SUN:JFJW.0.2023-03-016.

Jin Mingji, Xu Yan. (2023) On the Influence of a Sinologist Translator’s Identity on the Translation of Classics: A Case Study of the Russian Sinologist L.S. Perelomov’s Translation of *The Analects*. *Journal of PLA University of Foreign Languages*. No. 46 (03), pp. 129-136 (In Chinese).

Konrad, N.I. (1993) Preface to the first edition of *The Chinese Classical “Book of Changes”*. In Y. K. Shchutsky, *The Chinese Classical “Book of Changes”* (1st ed.). Moscow (In Russian).

李大用著 (1992). 周易新探. 北京: 北京大学出版社, 05.

Li Dayong. (1992) *New Exploration of the Zhouyi*. Beijing: Peking University Press, May (In Chinese).

李翼. (2022). 汉学家译者身份对翻译过程的影响——澳大利亚汉学家杜博妮的中国现当代文学翻译研究. 中国翻译 (05), 87-94. DOI: CNKI:SUN:ZGFY.0.2022-05-011.

Li Yi. (2022) *The Impact of a Sinologist Translator's Identity on the Translation Process: A Study on the Australian Sinologist Bonnie S. McDougall's Translation of Modern Chinese Literature*. *Chinese Translators Journal*. No. 43 (05), pp. 87-94 (In Chinese).

强卉. (2014). 厚翻译到底该有多“厚”——以《论语》两英译本为例. 江苏外语教学研究 (03), 86-92. DOI: CNKI:SUN:JSWY.0.2014-03-023.

Qiang Hui. (2014) *How “Thick” Should Thick Translation Be? A Case Study of Two English Translations of The Analects*. *Journal of Jiangsu Foreign Language Teaching and Research*. No. 3, pp. 86-92 (In Chinese).

Shchutsky Y.K. (1993) *Kitayskaya klassicheskaya «Kniga peremen» = The Chinese Classical “Book of Changes”*. (2nd ed., revised and supplemented, edited by A.I. Kobzev). Moscow. 606 p. (In Russian).

Shchutsky, Y.K., & Kobzev, A.I. (1960) *The Chinese classical “Book of Changes”*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature (In Russian).

Tilloeva S.M., Trekina E.N. (2023) *The role of the translator's personality in the translation of literary texts*. Yekaterinburg: Azhur Publishing House, pp. 237-245 (In Russian).

王倩. (2018). 中国文化外译传播中的译者身份建构. 社会科学战线 (09), 266-270. DOI: CNKI:SUN:SHZX.0.2018-09-036

Wang Qian. (2018) *The Construction of Translator Identity in the External Translation and Dissemination of Chinese Culture*. *Social Sciences Front*. No. 9, pp. 266-270 (In Chinese).

徐敏慧. (2014). “厚译”: 理论渊源及实践意义 [J]. 翻译季刊 (73): 58-72.

Xu Minhui. (2014) *“Thick Translation”: Theoretical Origins and Practical Significance*. *Translation Quarterly*. No. 73, pp. 58-72 (In Chinese).

周领顺, 强卉. (2016). “厚译”究竟有多厚?——西方翻译理论批评与反思之一. 外语与外语教学 (06), 103-112+150. DOI: 10.13458/j.cnki.flatt.004316

Zhou Lingshun, Qiang Hui. (2016) *How Thick Is “Thick Translation”? — A Critique and Reflection on Western Translation Theory*. *Foreign Languages and Their Teaching*. No. 06, pp. 103-112+150 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Люй Пэйи — докторант факультета иностранных языков Юго-восточного университета, № 2, проспект Юго-восточный университет, район Цзяннин, город Нанкин, провинция Цзянсу, КНР; lvpy219@163.com

ABOUT THE AUTHOR:

lv Peiying — Doctoral student at the School of Foreign Languages, Southeast University, No. 2, Southeast University Avenue, Jiangning District, Nanjing City, Jiangsu Province, China; lvy219@163.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.